

Последний допрос

Олеся Литвинова

Олеся Литвинова

Последний допрос

«Автор»

2026

ЛИТВИНОВА О. В.

Последний допрос / о. в. литвинова — «Автор», 2026

Встреча в холодной комнате для допросов могла бы быть обычной процедурой, если бы Анна и Максим не были друг для друга чем-то большим, чем просто адвокат и обвиняемый. В прошлом они мечтали о счастливом будущем, но теперь между ними — стальной стол, тайны и недосказанные чувства. Анна — блестящий профессионал, всегда собранная и неприступная, но прошлое вдруг оживает, когда в кресле напротив оказывается тот, кого она не смогла забыть, как бы не старалась. Максим обвинён в хитроумном преступлении, но едва заметная улыбка и взгляд, полный загадок, заставляют Анну сомневаться: всё ли так просто на этот раз? Что важнее — служебный долг или голос сердца? Налаженный быт или возможность вновь стать счастливой среди бетонных стен и запаха застоявшегося кофе? Они играют в опасную игру, где ставки — правда, свобода и шанс на новое начало.

© литвинова о. в., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ	6
Часть первая. ТЕНЬ ПРОШЛОГО	8
Глава 1. Цена безупречности	8
Глава 2. Маленькая копия	9
Глава 3. Лето, которое мы не забыли	10
Глава 4. Ночь, которая всё решила	11
Глава 5. Железный Макс	12
Глава 6. Путь вверх	13
Глава 7. Мужчина, который знал слишком много	14
Глава 8. Изнанка Эммы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Последний допрос

Глава

ПРОЛОГ

Кабинет для допросов встретил её знакомым до тошноты набором ощущений: гудение ламп на потолке, чуть кисловатый привкус казённого воздуха, металлический блеск стола, привинченного к полу так основательно, словно здесь готовились к землетрясению, а не к обычному следственному действию. Анна опустилась на жёсткий стул с той механической уверенностью, что вырабатывается только многолетней практикой, — спина прямая, папка перед собой, руки сложены поверх неё в жесте деловой сосредоточенности.

Никто не должен был заметить, что под этим жестом прячется паника.

Она восемь лет оттачивала это лицо — лицо адвоката, которого невозможно заставить врасплох. Сегодня оно давалось ей труднее, чем когда-либо прежде.

Замок лязгнул, и звук этот прошёл сквозь неё, точно электрический разряд. Она заставила себя не вздрогнуть, хотя внутри всё натянулось, как струна. В проёме двери показался конвоир, а следом за ним — человек, чьё лицо она годами гнала прочь из снов, безуспешно, ночь за ночью.

— Присаживайтесь, — произнесла она, и с тайным облегчением отметила, что голос не подвёл.

Он сел, и наручники звякнули о край стола — тонкий, почти музыкальный звук, от которого у неё внутри всё сжалось. Максим изменился: щетина, залёгшие тени под глазами, что-то потяжелевшее во взгляде. Но сам взгляд остался прежним — таким же прямым, точно он видел её насквозь, сквозь весь этот костюм, сквозь всю выстроенную ею броню.

— А форма вам к лицу, — заметил он вместо приветствия, и в хрипловатом голосе прозвучала та самая, забытая, но узнаваемая мгновенно интонация.

— Мы не для того здесь встретились, чтобы обмениваться любезностями, — ответила она суше, чем собиралась, открывая папку с делом.

И тут её словно швырнуло назад во времени.

Прикосновение к бумаге отчего-то потянуло за собой запах — сладкий, летний, забытый: барбарисовые леденцы, которыми у него вечно были набиты карманы. Тот самый запах их последнего лета вместе, смешанный с асфальтом после дождя и тем особым чувством вседозволенности, какое бывает только в юности, когда кажется, что впереди — бесконечность.

Крыша старого гаража. Плавящееся от жары небо. Его пальцы на её запястье, синий маркер, выводящий на коже неровные линии.

— Что это? — спросила она тогда шёпотом, боясь спугнуть момент неосторожным движением.

— Карта нашего будущего, — не поднимая глаз, ответил он и поставил жирную точку прямо там, где под кожей билась вена. — Вот мы. Здесь всегда лето. Обещай, что мы не позволим себе замёрзнуть, что бы ни случилось.

— Обещаю, — выдохнула она тогда, свято веря каждому слову.

— Вы слышите меня? — Голос из настоящего дёрнул её обратно, разрывая наваждение.

— Слышу превосходно, — она собралась, спрятав дрожь глубоко внутрь. — Начнём с показаний по переводам на счета подставных организаций.

Он усмехнулся — горько, одними уголками губ, — и усмешка эта предназначалась не следствию. Она предназначалась той девчонке с крыши гаража, которая клялась в вечном лете.

— Вы правда хотите обсуждать цифры? — тихо спросил он.

— А что ещё нам обсуждать?

— То, как мы вообще здесь очутились, — произнёс он, и слова упали между ними тяжело, словно камни на дно колодца.

Что-то внутри неё дало трещину — тонкую, почти невидимую, но первую за восемь лет безупречной обороны.

— Ты помнишь реку? — прошептал он.

— Прекратите, — она попыталась отстраниться, но тело словно приросло к стулу.

— А клятву не превращаться в скучных взрослых — тоже помнишь?

— Мы не за этим здесь, — голос предательски дрогнул.

Она понимала: этот разговор уже успел изменить всё, что она с таким трудом выстраивала эти годы. Хрупкая, идеально спланированная жизнь дала трещину прямо тут, под гудящими лампами, в комнате, пропахшей чужим страхом.

— До следующей встречи, Анна, — сказал он, когда конвоир тронул его за плечо.

Она не ответила — только смотрела, как за ним закрывается тяжёлая дверь. В комнате снова стало тихо. Но этот холод больше не защищал её. Он превратился в клетку.

Она не знала ещё, что этот допрос — первый из многих, что впереди будет ещё одна комната, ещё один стол, ещё одна правда, за которую придётся заплатить всем, что у неё осталось. И что последний из этих допросов — тот, ради которого стоило рискнуть жизнью, — будет вести не она.

Часть первая. ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Глава 1. Цена безупречности

Обратная дорога слилась в одну размытую серую полосу под низким, налитым дождём небом. Пальцы Анны стиснули руль так, что обручальное кольцо болезненно врезалось в кожу.

Дело поручили ей без предупреждения — просто сказали, что клиент крупный, известный, что нужен лучший адвокат конторы. Она согласилась не глядя, привычно, как соглашалась на десятки подобных дел, — и только сегодня утром узнала цену этой самонадеянности.

Как. Как из всех людей на земле жизнь свела меня именно с ним, — стучало в висках в такт дворникам.

Восемь лет она замуровывала себя в эту жизнь, кирпич за кирпичом. Началось всё в ту ночь, когда Эмма — подруга, знавшая её лучше родной сестры, — прибежала к ней вся в слезах и, давась рыданиями, рассказала немыслимое: точно видела своими глазами, как Максим, потеряв контроль, пытался силой взять то, чего Анна ему не позволяла.

«Аня, прости, что я это говорю. Но ты должна знать правду о нём».

Она поверила безоговорочно. Разве могла подруга, рыдающая у неё на плече, лгать о таком? Она бежала — сначала из города, затем из собственного прошлого целиком, — и наткнулась на Виктора, который, как оказалось, годами ждал в стороне, терпеливо, наблюдая за ней издалека ещё до Максима. Он появился именно тогда, когда ей отчаянно нужна была опора, — и она ухватила за эту опору, не спрашивая, откуда он так вовремя узнал о её свободе.

Беременность обнаружилась спустя два месяца после свадьбы. Она могла признаться Виктору во всём. Но страх снова остаться одна пересилил честность. Она решила для себя раз и навсегда: отцом делает не кровь, а тот, кто рядом ночью, когда ребёнку снятся кошмары. Виктор стал Алексу настоящим отцом во всём, кроме крови, — и Анна поклялась молчать об этом до конца своих дней.

Гудок фуры вырвал её из оцепенения. Она резко вывернула руль к обочине, чувствуя, как колотится сердце.

Соберись, Воронцова. Ты его адвокат. Твоя работа — искать истину, а не тонуть в чужом прошлом.

Руки всё равно дрожали, когда она набирала номер мужа.

— Привет, солнце, — голос Виктора звучал ровно и тепло. — Задерживаешься. Алекс уже раз пять спрашивал про ужин.

— Скоро выезжаю, — с трудом выдавила она, чувствуя, как внутри разрастается вязкое, душное чувство вины. — Тяжёлый день в изоляторе.

Она положила трубку и ещё несколько минут сидела неподвижно, глядя, как дождь размывает очертания города за лобовым стеклом, — и впервые за много лет позволила себе задать вопрос, который восемь лет держала на самом дне сознания под тяжёлым замком: а что, если вся её жизнь построена не на спасении, а на чужом расчёте?

Глава 2. Маленькая копия

Дом встретил её запахом расплавленного сыра, базилика и тонким шлейфом отцовского парфюма — запахом, который годами означал одно: здесь безопасно. Сегодня этот запах показался бутафорией, наспех натянутой декорацией к спектаклю, в который она сама больше не верила.

— Мама!

Восьмилетний вихрь с растрёпанными волосами вылетел ей навстречу и врезался в колени с разбегу. Анна не успела даже снять пальто — земля точно ушла из-под ног.

Алекс запрокинул голову, глядя на неё снизу вверх с лукавым прищуром, — и она забыла, как дышать.

Сколько можно было закрывать на это глаза. Сегодня, с ещё свежим в памяти образом скованного наручниками Максима, сходство ударило её без предупреждения: тот же непокорный излом бровей, та же манера склонять голову набок, ожидая ответа, те же глаза — тёмные, с искрой упрямого, неугасимого огонька.

Перед ней стоял маленький слепок человека, которого она восемь лет представляла себе чудовищем. Сегодня этот человек смотрел на неё так, словно виновата во всём именно она.

— Аня, всё нормально? — Виктор наблюдал за ней с порога кухни, вытирая руки полотенцем. В его взгляде читалась только забота — без тени подозрения, отчего становилось только тяжелее.

Он подошёл, тронул её плечо. Он любил Алекса всей душой — не подозревая, что растит наследника человека, которого его собственная жена теперь обязана вытаскивать из-под уголовного дела.

— Просто дело тяжёлое досталось, — соврала она, растягивая губы в улыбке. — Огромные суммы, пропавшие бумаги.

— Иди умойся, — мягко сказал он. — Ужин ждёт.

За ужином Алекс без умолку рассказывал о школьном проекте по географии, размахивая вилкой с макаронами так энергично, что несколько раз едва не смахнул со стола солонку, а Виктор смеялся его шуткам с той лёгкостью, что рождается только из настоящей, неподдельной привязанности. Анна наблюдала за ними обоими — за мужем, безупречно исполняющим роль отца, и за сыном, безмятежно, счастливо ничего не подозревающим, — и чувствовала себя актрисой на сцене чужого спектакля, роль в котором она согласилась играть восемь лет назад, даже не читая сценарий целиком.

Заперевшись после ужина в ванной, она включила воду на полную и упёрлась лбом в холодное стекло зеркала. Успешный адвокат. Любящая жена. Идеальная мать. Три слоя лжи, спрессованные в один аккуратный фасад, который начал осыпаться прямо сегодня.

«Вы пришли убедиться, что я получил по заслугам?» — эхом прозвучал в голове голос Максима.

Если он и вправду сделал то, о чём рассказывала Эмма, — откуда в его взгляде столько боли, а не злобы? А если не сделал?

Если он невиноват, я украду у него восемь лет с сыном, — эта мысль резанула сильнее, чем ледяная струя из крана.

За стеной раздавался смех Алекса и негромкий голос мужа. А здесь, в одиночестве, Анна впервые за восемь лет позволила себе прошептать вслух имя, которое давно объявила под запретом:

— Максим... Что мы натворили.

Глава 3. Лето, которое мы не забыли

Она не сразу заснула той ночью — лежала рядом с ровно дышащим Виктором, глядя в потолок, и память, точно почувствовав слабость в её обороне, хлынула наружу целым потоком образов, которые она восемь лет держала на надёжном засове.

Она вспомнила их первую встречу — на студенческой практике в юридической консультации, куда Максим, тогда ещё простой парень с факультета информатики, зашёл по делу отца, попавшего в неприятную историю с недобросовестным работодателем. Анна, третьекурсница, дежурившая в тот день, слушала его сбивчивый рассказ и удивлялась, как человек, явно не разбирающийся в юриспруденции, умудряется формулировать мысли настолько точно и остроумно.

— Вы уверены, что учитеесь не на юридическом? — спросила она тогда, невольно улыбаясь его манере излагать даже самые скучные детали трудового спора.

— Я планирую покорить мир алгоритмами, а не законами, — серьёзно ответил он. — Но если вы согласитесь как-нибудь выпить со мной кофе, обещаю в благодарность рассказать вам всё, что знаю про уязвимости в банковском программном обеспечении. Впечатляющая тема для первого свидания, не находите?

Она рассмеялась тогда — искренне, неожиданно для самой себя, — и согласилась на кофе, хотя правила консультации формально запрещали личное общение с клиентами.

Их роман расцвёл быстро, безрассудно, тем особым цветением, что случается только однажды в жизни, когда двое людей узнают друг друга настолько стремительно, будто знали всегда. Они проводили вечера на крыше старого гаража за домом его родителей — единственное место, где могли говорить часами, не боясь чужих глаз и осуждающих взглядов её отца, влиятельного бизнесмена, уже тогда прочившего дочери куда более выгодную партию.

Она помнила его смех, запрокинутое к звёздам лицо, обещания, которые они шептали друг другу, свято веря в собственную вечность. Помнила, как он рисовал синим маркером карты их общего будущего на её запястье, а она потом неделями не смывала эти линии, пряча их под рукавами от вопросов матери.

— Мы обязательно поженимся, когда я встану на ноги, — говорил он тогда, ещё не подозревая, сколько препятствий выстроит перед ними судьба, вооружённая чужой завистью и расчётом. — Не сразу. Но однажды. Обещаю тебе, Аня.

Она верила каждому слову. И именно поэтому предательство, случившееся год спустя, ударило настолько сокрушительно, что перекроило всю её дальнейшую жизнь.

Глава 4. Ночь, которая всё решила

Та ночь до сих пор жила в её памяти отдельными, рваными кадрами, словно старая киноплёнка, повреждённая огнём.

Эмма постучала в её комнату в общежитии далеко за полночь — растрёпанная, в разорванной на плече блузке, с размазанной тушью, точно действительно бежала откуда-то в панике. Анна тогда не усомнилась ни на секунду: подруга явно пережила что-то ужасное.

— Максим, — всхлипывала Эмма, цепляясь за её руки. — Аня, прости, я не хотела тебе говорить, но не могу больше молчать. Он позвал меня якобы поговорить о вашей помолвке, а сам... он был пьян, невменяем, пытался... — она не договорила, зарывав ещё сильнее, и этой недосказанности хватило, чтобы воображение Анны дорисовало самое страшное.

— Этого не может быть, — прошептала тогда Анна, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Я бы никогда не солгала тебе о таком, — рыдала Эмма. — Ты же знаешь меня, Аня. Мы сёстры. Зачем мне выдумывать подобное?

Именно эта фраза — *«мы сёстры»* — сломала последний барьер сомнения. Анна не поехала к Максиму за объяснениями. Она собрала вещи в ту же ночь и уехала к дальней родственнице в другой город, оставив короткую записку, полную боли и разочарования, которую он, как она узнала только сейчас, восемь лет спустя, вероятно, никогда не получал в том виде, в каком она её писала.

Она не знала тогда, что в это же самое время, в нескольких кварталах от общежития, Эмма стояла у дверей квартиры Максима с совершенно другим лицом — спокойным, деловитым, лишённым всякой истерики, — произнося слова, которые заставили его поверить в то, что предала именно Анна.

Глава 5. Железный Макс

В камере давило не пространство — давил груз, к которому Максим Северский привык задолго до ареста. Годами его окружало давление совсем иного рода: сроки, кредиты, конкуренты, дышащие в спину. В деловых кругах его называли Железным Максом — человеком, который построил не просто компанию, а целую строительную империю «Северный Альянс», возводившую целые районы там, где раньше был пустырь. Его портрет украшал обложки отраслевых журналов, а его слово в вопросах градостроительства значило больше, чем чьё-либо ещё.

Здесь, под мерцающей лампой, от всего этого не осталось ничего. Только номер дела и холодная кровать.

Он закрыл глаза — и увидел не следователя, а её. Прямую спину, гладко уложенные волосы, ледяной, отработанный голос. Когда-то она была живым летним теплом. Сегодня — статуей, высеченной из льда, хотя сквозь трещины этого льда он весь допрос пытался разглядеть что-то настоящее.

Зачем ты пришла, Аня? Чтобы добить меня окончательно?

Память против воли утащила его на восемь лет назад. Он вспомнил, как стоял под её окнами с кольцом, спрятанным в кармане куртки, не имея за душой ничего, кроме дерзких планов и старого отцовского автомобиля. Она не вышла к нему. Вышла Эмма.

Эмма — вечная спутница, «своя», которой доверяли безоговорочно оба. В ту ночь именно она принесла весть, выжегшую в нём всё живое.

«Она улетела, Макс, — говорила тогда Эмма, и в её глазах стояла жалость, которую он по глупости принял за настоящую. — Сказала, что ты — груз, который она больше не намерена тащить. Что нашла себе перспективу получения. Просила не унижаться и не искать её».

В ту ночь он впервые в жизни напился до провала в памяти. Очнулся в постели Эммы. Вина и уязвлённая гордость, жажда доказать бывшей возлюбленной, что и он способен на успех, толкнули его дальше, чем он мог представить, — через месяц они с Эммой расписались.

Их брак быстро превратился в бесконечный светский спектакль. Эмма обожала приёмы, вспышки камер и его банковский счёт — идеальный аксессуар для успешного мужчины, но абсолютно чужая душа, стоило погаснуть прожекторам. Спали они в разных спальнях под предлогом его вечной занятости. Любить её он так и не научился, а её, похоже, вполне устраивал статус жены самого завидного застройщика страны.

Пять лет назад, в очередную годовщину, она положила перед ним медицинскую справку.

«Детей у нас не будет никогда, — произнесла она тогда с идеально разыгранной скорбью. — Врач сказал: причина в тебе. Бесплоден».

Эта новость стала последним ударом по остаткам его надежд на нормальную жизнь. Он с головой ушёл в работу — раз не мог оставить потомство, решил оставить после себя города. Строил жёстко, без пощады к конкурентам. Империя росла. Сердце черствело.

И вот теперь арест. Подстава сработала безупречно: пропали ровно те документы, что могли доказать его невиновность. А спасти его пришла женщина, которую он восемь лет подряд считал предательницей, выбравшей деньги вместо любви.

Он посмотрел на свои скованные руки.

— Хочешь сыграть в правосудие, Аня? — прошептал он в пустоту камеры. — Или явилась полюбоваться на руины человека, которому обещала вечность?

Одно он знал точно: если выберется отсюда, заставит её взглянуть правде в глаза. Даже если эта правда разрушит их обоих.

Глава 6. Путь вверх

Первые годы после женитьбы на Эмме Максим почти не помнил цельно — они слились в один непрерывный марафон работы без сна, без выходных, без права на слабость. Он начинал с крошечного стартапа по кибербезопасности, ночуя в офисе на надувном матрасе, питаясь растворимой лапшой и кофе из автомата, — и каждую бессонную ночь заглушал единственной мыслью, въевшейся в него подобно клейму: доказать. Доказать Анне, доказать себе, доказать целому миру, что мальчишка без гроша в кармане способен построить нечто великое.

Прорыв случился на третий год, когда его алгоритм защиты банковских транзакций заметил один из крупнейших девелоперов страны, искавший технологического партнёра для амбициозного строительного проекта. Максим, никогда прежде не занимавшийся недвижимостью, ухватился за возможность с той же отчаянной решимостью, с какой хватается за соломинку тонущий человек, — и неожиданно для самого себя обнаружил, что городское планирование увлекает его сильнее, чем строчки кода.

Так родился «Северный Альянс» — сначала маленькая строительная компания, поглотившая обанкротившегося конкурента за бесценок, затем средний игрок рынка, а спустя ещё пять лет — одна из крупнейших девелоперских империй страны, чьё имя ассоциировалось с качеством, надёжностью и той самой безжалостной деловой хваткой, что принесла Максиму прозвище Железный Макс.

Успех, впрочем, не приносил того облегчения, на которое он рассчитывал. Каждый новый триумф оставлял внутри всё ту же зияющую пустоту — место, которое когда-то занимала Анна и которое он безуспешно пытался заполнить бесконечными проектами, наградами, миллиардными сделками. Эмма, наблюдая за его восхождением с холодным, расчётливым удовлетворением, ни разу не поинтересовалась, счастлив ли он, — только исправно появлялась рядом на светских мероприятиях, безупречная, эффектная, идеально дополняющая его публичный образ.

Он строил города — но ни в одном из построенных им домов не чувствовал себя настоящим дома.

Глава 7. Мужчина, который знал слишком много

Виктор Воронцов сидел в своём кабинете на верхнем этаже делового центра, разглядывая через панорамное окно вечерний город, который отчасти был построен на его собственные деньги — а отчасти, что раздражало его куда сильнее, чем он готов был признать даже самому себе, на деньги «Северного Альянса» Максима Северского.

Телефон на столе завибрировал. Женский номер, сохранённый под безобидным именем «Бухгалтерия, доп.офис» — предосторожность, унаследованная от долгих лет практики скрывать самое важное под самыми скучными ярлыками.

— Она взяла дело, — раздался в трубке низкий, бархатный голос Эммы, лишённый и следа той жалостливой мягкости, которую она демонстрировала мужу восемь лет подряд. — Твоя жена сегодня встретила с моим мужем в изоляторе.

— Как он? — коротко спросил Виктор, не отрывая взгляда от города за окном.

— Раздавлен, но не сломлен, — в голосе Эммы послышалось что-то похожее на раздражение. — А вот Анна, кажется, начинает сомневаться. Я же тебя предупреждала: не стоило допускать, чтобы дело попало именно к ней.

— Дело должно было попасть именно к ней, — спокойно возразил Виктор, наконец отворачиваясь от окна. — Разве не в этом была вся соль твоего плана, дорогая? Чтобы она сама, своими руками, закопала его — и никогда не узнала бы, что копала могилу отцу собственного сына.

— Приезжай, — сказала Эмма после короткой паузы. — Обсудим детали не по телефону.

Он приехал в её пентхаус спустя полчаса — привычный маршрут, отточенный годами тайных визитов под благовидными деловыми предложениями. Эмма встретила его в гостиной, сидя в роскошном кресле у окна с бокалом виски, лениво помешивая лёд, — и настроение у неё, судя по довольной, кошачьей улыбке, было великолепным.

— Ты уверен, что адвокат не раскопает правду? — глухо спросил Виктор, наливая себе выпить. — Воронцова в суде — это акула, Эмма. Не стоит её недооценивать.

Эмма хищно улыбнулась, её губы, покрашенные кроваво-красной помадой, изогнулись в презрительной усмешке, обращённой скорее к собственным мыслям, чем к собеседнику.

— Аня? — произнесла она вслух. — Аня слишком занята своей идеальной семьёй и восемью годами тщательно выстроенной ненависти к Максиму. Я восемь лет кормила её сказками о том, каким чудовищем он был в ту ночь. Она верит мне больше, чем собственным глазам. И к тому же у меня есть ты, любовь моя.

Ну что, Эмма, — подумала она про себя, глядя на своё отражение в тёмном стекле окна, — ты чертовски умна. Ещё немного — и от Максима останется только пыль, а восемь лет этого ненавистного, послушного раба подойдут к концу. Я наконец стану абсолютно свободной».

Она скользнула взглядом по Виктору, стоявшему у бара с бокалом в руке, и внутренне скривилась, хотя лицо её осталось безупречно спокойным.

И от этого слюнтяя тоже нужно будет избавиться, как только всё закончится. Он был лишь инструментом в моих руках всё это время — удобным, влиятельным, слепо верящим каждому моему слову».

— Максим должен сгнить в тюрьме, — произнесла она вслух, подходя к зеркалу и любуясь своим отражением. — Я слишком много лет готовила это падение, чтобы теперь позволить какой-то сентиментальной адвокатше всё испортить. Все подписи на фиктивных счетах — его. Все свидетели куплены заранее. А если он вдруг решит заговорить слишком громко... — она сделала многозначительную паузу, и в её глазах блеснула ледяная, беспощадная сталь, — в изоляторе, как известно, случаются несчастные случаи. Мои люди уже там.

Она вспомнила тот вечер много лет назад, когда Максим впервые заикнулся о том, чтобы вернуть Анну, — и как легко, как безболезненно для себя самой она разрушила эту идею одной-единственной, тщательно подготовленной ложью: подделанной медицинской справкой, убедившей его, что он никогда не сможет иметь детей.

Если ты не мой, — думала она тогда, вручая ему ту фальшивую справку с идеально разыгранной скорбью на лице, — то ты ничей. И у тебя не будет никого, кроме меня».

— Завтра его переводят в другой корпус — следственный эксперимент, — добавила она, пригубив виски, возвращаясь мыслями в настоящее. — Конвой не доедет до места назначения. Всё будет выглядеть как попытка побега, пресечённая охраной со всей необходимой в таких случаях жёсткостью.

Она подошла ближе к Виктору и легко коснулась его плеча, преподнося ему тёплую, фальшивую улыбку любящей женщины.

— Ты не представляешь, как я ценю твою поддержку, — прошептала она мягко. — Только с тобой у меня всё получится, дорогой.

Виктор повернулся к ней, и в его глазах отразилось слепое, безоговорочное доверие человека, годами купавшегося в её тщательно дозированном внимании.

Наивный глупец, — пронеслось в голове Эммы, пока она держала на лице всё ту же тёплую улыбку. — Как же меня тошнит от того, как он на меня смотрит. Жалкий, податливый, готовый ползать у моих ног ради одной моей улыбки».

— Всё под контролем, Виктор, не нервничай, — произнесла она вслух, по-доброму, потягивая виски. — Если что-то пойдёт не так, я всё улажу. Я всегда всё улаживала.

Она подошла ещё ближе, поддерживая его заботливым жестом самой преданной на свете женщины, — на деле же лишь прощупывая почву, оценивая, насколько скоро можно будет без последствий избавиться и от него самого.

Как только Максим исчезнет с шахматной доски, займусь тобой, милый. Ты слишком много знаешь, а толку от тебя уже никакого. Ты для меня — просто очередное ненужное звено. Неужели ты сам этого до сих пор не понял?

— Дорогой, — снова нежно, снова лживо, — когда Максим уйдёт со сцены, мы с тобой будем править этим городом вместе, — подкинула она ему очередную порцию беспочвенных надежд, которым не суждено было сбыться.

Город? — прозвучал в её голове ледяной, презрительный смех. — Здесь буду править я одна. А ты исчезнешь так быстро и так незаметно, что даже не успеешь понять, кто именно тебя уничтожил».

Эмма улыбнулась своему отражению в тёмном окне пентхауса. Победа была совсем близко — оставались лишь последние, самые тонкие штрихи. И тогда все, кто был ей больше не нужен, включая единственного человека в этой комнате, наконец исчезнут с её пути раз и навсегда.

Виктор снова вернулся в свой кабинет и долго смотрел туда, где вдалеке, за рекой, светился огнями недостроенный небоскрёб «Северного Альянса», который, если всё пойдёт по плану Эммы, очень скоро сменит хозяина.

Он не испытывал ни малейших угрызений совести. Он слишком долго ждал этого момента — с того самого дня восемь лет назад, когда впервые увидел Анну на благотворительном приёме, юную, ослепительную, безнадёжно влюблённую в нищего парня без единой перспективы, и решил, что получит её любой ценой, даже если для этого придётся приложить руку к разрушению чужого счастья.

Он получил Анну. Получил сына, которого искренне, вопреки всякой логике, любил как родного, хотя давно подозревал — а после сегодняшнего разговора у себя дома уже почти не сомневался, — чья кровь на самом деле течёт в жилах мальчика.

Теперь оставалось получить и последнее: империю человека, которого он восемь лет ненавидел молча, издалека, с холодной, расчётливой терпеливостью паука, годами плетущего свою сеть, — даже не подозревая, что паучиха, плетущая сеть вместе с ним, уже готовила нить и для его собственного горла.

Глава 8. Изнанка Эммы

Эмма Ковалёва стояла перед зеркалом в гардеробной особняка Северских, придирчиво оглядывая своё отражение — безупречное, как и всё, что она когда-либо позволяла миру увидеть, — и думала о том, что ненависть, оказывается, можно носить с той же элегантностью, что и кольцо от лучших ювелиров, если научиться прятать её достаточно глубоко.

Она ненавидела Анну с третьего курса университета — с того самого дня, когда преподаватель вслух зачитал её курсовую как лучшую в потоке, а на Эмму, писавшую ночами напролёт, даже не взглянул. С того дня, когда парни оборачивались вслед Анне на улице, а Эмму, куда более яркую, по её собственному глубокому убеждению, замечали лишь тогда, когда рядом не было подруги. Дружба между ними всегда была игрой в одни ворота — Эмма улыбалась, поддерживала, была рядом, а внутри годами копила счёт, который намеревалась предъявить целиком, при первой же удобной возможности.

Максим стал этой возможностью. Не потому, что она полюбила его, — Эмма презирала саму идею любви как унижительную слабость, которую позволяют себе только глупцы, — а потому, что забрать у Анны единственное, чем та по-настоящему дорожила, показалось Эмме высшей формой справедливости. Она наблюдала за их счастьем месяцами, улыбаясь на общих встречах, выслушивая восторженные признания подруги, и с каждым таким рассказом внутри неё крепла холодная, методичная решимость: это должно закончиться. Причём закончиться так, чтобы виноватой осталась не она.

План родился элегантно просто, стоило ей только заметить, с каким плохо скрываемым интересом на Анну поглядывает Виктор Воронцов на благотворительных приёмах, куда Эмма таскала подругу исключительно ради собственных нужных знакомств. Один влиятельный, одинокий мужчина, страстно желающий Анну. И другой, впечатлительный, небогатый юноша, отчаянно любящий ту же женщину. Одна ложь, рассказанная умело, с нужными слезами в нужный момент, — и вся картина мира двух людей переворачивается с ног на голову без единого прямого доказательства, которое можно было бы позже опровергнуть.

Она получила от этого не только моральное удовлетворение, но и вполне ощутимую выгоду — Виктор, вечно благодарный за то, что она устроила крах соперника его руками её лжи, годами делился с ней инсайдерской информацией, деньгами, влиянием. А Максим, ослеплённый болью и уязвлённой гордостью, стал идеальным, послушным мужем — он никогда по-настоящему не любил её, а значит, никогда не смотрел достаточно пристально, чтобы заметить фальшь.

Единственное, чего она не предвидела, — собственную, необъяснимую, иррациональную ненависть к мальчику. К Алексу. Каждый раз, когда она смотрела в его тёмные, упрямые глаза — глаза Максима, — что-то внутри неё сжималось в узел столь же тугой, сколь и уродливый, потому что этот ребёнок был живым доказательством того, что даже её самая изощёренная ложь не смогла до конца стереть связь между Анной и Максимом. Она ненавидела его за одно только существование — так, как ненавидят вещественное доказательство собственного преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.